

ТРЕТЬЯКОВ Б. Н. — в МПКК

ТРЕТЬЯКОВ Борис Николаевич, родился в 1897. Окончил среднюю школу. В 1914 — на фронте вольноопределяющимся, в 1918 — начальник пулеметной команды РККА Московского караульного полка, с 19 октября по 7 ноября — на излечении в больнице. 8 ноября 1920 — арестован в Москве и заключен в Бутырскую тюрьму. В середине ноября 1920 — по просьбе заведующего юридической комиссии Московского Политического Красного Креста заполнил "Опросный лист", записав в графе "Особые замечания" так.

<16 ноября 1920>

«ОСОБЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ (по возможности, подробнее изложить сущность дела и допроса).

8 ноября с<его> г<ода> в 11 часов вечера я был арестован на квартире агентом Особого Отдела МЧК. Агент застал меня спящим. Предъявил мне ордер на право производства ареста, обыска и выемки бумаг. При обыске агентом были отобраны погоны (офицерские) и противогаз, которые принадлежали моему брату. До допроса я совершенно не знал, за что я арестован, и только от следователя О<собого> О<тдела> МЧК Басова я узнал, что я арестован по доносу, в котором меня обвиняют в скрывании офиц<ерского> звания и в произнесении контрреволюционных слов. В доносе говорится, что, будто бы я 26 октября у себя в пулеметной команде при наливке воды в пулемет произнес к<онтр>р<еволюционные> слова, причем, доносчик выставляет свидетеля командира 2 б<аталь>она. Я просил у следователя дать мне очную ставку со свидетелем, т<ак> к<ак> это сущая ложь, ибо я с 18 октября по 7 ноября лежал во 2-й госуда<рственной> клинике (Павловская), о чем и отдано в приказе по 1 Московс<кому> Кар<аульному> полку, что я не офицер, а вольноопределяющий<ся>¹, что может подтвердить каждый из жильцов дома, и у меня имеются мои фотографические карточки.

Подпись

Б. Третьяков»².

На "Опросном листе" — помета секретаря юридического отдела Московского Политического Красного Креста:

«Передано для справки Кальмейеру».

20 ноября 1920 — Борис Николаевич Третьяков Постановлением Коллегии Особого отдела МЧК был приговорен в лагерь принудительных работ на 3 года³.

В марте 1921 — Борис Николаевич Третьяков обратился за помощью в Московский Политический Красный Крест.

<1 марта 1921>

«В Политический Красный Крест

Политического заключенного
Бутырской тюрьмы, 14 коридора,

¹ Вольноопределяющийся — нижний чин Российской Императорской армии, поступивший на военную службу добровольно и пользовавшийся определенными льготами.

² ГАРФ.ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 254. С. 102. Автограф.

³ ГАРФ.ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 254. С. 101. Автограф.

12 камеры Третьякова Бориса
Николаевича. Особ<ый> Отд<ел>
МЧК

Заявление

Я, Начальник Пулеметной к<оман>ды 1 Московского Кар<аульного> полка (Александровская казарма), арестован 8 ноября с<его> г<ода>⁴ по доносу. Донос сделан ячейкой полка <нрзб.> ком<андира> бат<альон>а 2 Петрова. В доносе говорится, что якобы я 26 октября с<его> г<ода> во время наливки воды в максимские пулеметы произнес контрреволюционные и погромные слова в присутствии всей пул<еметной> команды и ком<андира> бат<альон>а 2 Петрова. Следствие по моему делу вел следователь О<собого> О<тдела> МЧК Басов. На первом допросе на вопрос, произносил ли к<онтр>-р<еволюционные> погромные слова, я ответил, что нет, и рассказал, почему. Я с 18 октября по 7 ноября лежал в больнице (Клиника 2 Государств<енного> Университета, бывшая Павловская больница), что отдано в приказе по полку. Просил следователя дать мне очн<ую> ставку с Петровым и вытребовать из полка приказы и из больницы справку. На вторичном допросе следователь Басов мне заявил, что он допрашивал Петрова, и он показал все против меня, т<ак> ч<то> очная ставка отпадает. Я опять просил дать мне очную ставку и выписать из полка приказ и удостоверение из больницы. В третий раз я был допрошен уже другим следователем, кажется, Марковым. Следователь Марков показал мне мои первые показания, и я с удивлением увидел, что нет там ни ссылки на документы, а только голое отрицание своей вины. На первом допросе мне не были прочитаны мои показания, и я, благодаря своей неопытности, не прочел, а просто подписал, уверенный, что все мои слова записаны следователем. Следователем Марковым мне также было прочитано показание Петрова, и оказалось, что я не произносил в команде никаких преступных слов, а будто он слышал, как я кому-то передавал в штабе полка перед октябрьскими торжествами к<онтр>р<еволюционные> слова, сказанные кем-то из кр<асноармей>цев моей команды. Я все это написал в показании, снятом мною сл<едователем> Марковым. Вопрос следователя: Может быть, Вы говорили это раньше, не 26 октября. Мой ответ: Нет, не произносил, и к тому же наши пулеметы бывает в тревожное время. Начальником пул<еметной> команды я недавно, а то был помощником, а в это тревожное время я лежал в больнице. Прошу Пол<итический> Кр<асный> Кр<ест> ускорить мое дело.

Б. Третьяков»⁵.

Очевидно, ходатайство заведующего юридическим отделом Московского Политического Красного Креста дало результат. 7 февраля 1921 — дело Бориса Николаевича Третьякова было прекращено⁶; и на "Опросном листе" секретарем юридического отдела МПКК было помечено: «Освоб<ожден>».

⁴ В письме ошибка, прошлого года.

⁵ ГАРФ.Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 254. С. 134. Автограф.

⁶ Жертвы политического террора в СССР». Компакт-диск. М., «Звенья», изд. 3-е, 2004.